

Митрополит АНТОНИЙ

О книге И. Ильина

(«О сопротивлении злу силой»)

Эту весьма глубокомысленную и интересную книгу я читал с месяц тому назад и сделал тогда же немало отметок на ее полях; однако не мог раньше взяться за перо, чтобы написать просимую рецензию, будучи подавлен множеством неотложных дел. Кроме этой книги, еще четыре автора ожидают моего отзыва.

Предмет, трактуемый почтенным философом И. А. Ильиным, мне близок: еще в 80-х годах я читал в Петрограде публичные лекции о противлении злу против Л. Н. Толстого, а затем издал книжку «О войне с христианской точки зрения»¹, которая, впрочем, подверглась бойкоту со стороны баптистов и других темных сил, пропагандировавших «непротивление» как раз в 1914 г.

Самое печальное в этой пропаганде было то совершенно нерелигиозное и неискреннее отношение к предмету, которое у нас весьма успешно практикуется во всех вопросах, соприкасающихся с христианским учением, ибо на стороне пропагандистов было и недавнее нерасположение общества к религии вообще, а к православной в особенности, и еще более — непроходимое невежество в учений Св. Библии: публика наша даже не представляет себе объема этой книги и воображает, будто Библией именуется только Ветхий Завет. — А Новый? — «Ну, это другое дело: Новый Завет — это все равно что Евангелие». — А деяния, послания и апокалипсис? — «Ах, в самом деле, я и забыл (чаще — забыла)».

Подобное же отношение к Св. Писанию проявили и мизерные, нанятые критики книги г. Ильина по поводу его ссылки

на слова Апостола Павла: «Всяка душа властем предрержащим да повинуется». Они требовали ссылки на «первоисточник Откровения» — слова Христовы — и злорадно предупреждали, что соответствующих слов найти невозможно, ибо Христос сказал: «Не убий».

Полуграмотные друзья мои! Это сказал не сам Христос, а Моисей, т. е. Бог устами Моисея, а раньше и Сам вслух <для> всего народа (Исх. 20); Христос же Спаситель говорил богатому юноше: «Аще хочещи внити в живот, соблюди заповеди»; и на вопрос: «какие?» перечислил 5-ю и 6-ю, 7-ю и 8-ю и 9-ю (Мф. 19: 16—25, и Мк. 10: 18—22). Но вам, конечно, неизвестно, что Господь Бог, дав 10 заповедей, тут же предъявляет кару за их нарушение. Кто злословит отца или мать, того должно предать смерти и т. д. Такое же наказание в той же книге Исход и затем во Второзаконии Господь назначает хульникам, прелюбодеям, наконец всякому хозяину, который держит заведомо бодливого вола, — если вол забодает мужчину или женщину.

«Но ведь Христос (скверная привычка говорить Христос вместо Иисус Христос, или Христос Спаситель: по одному этому признаку можно познать человека нерелигиозного), Христос не говорил ничего подобного!» — кричит вам в ответ полуграмотный критик. Нет, говорил! Откройте Мф. 15: 3—6 и читайте Его слова:

«Зачем вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего? Ибо Бог заповедал: почитай отца и мать; и: злословящий отца или мать смертью да умрет (ср.: Исх. 20: 12; 21: 16). А вы говорите: если кто скажет отцу или матери: дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался, тот может и не почитать отца своего или мать свою. Таким образом вы устранили заповедь Божию преданием вашим». Видите, Спаситель не только привел заповедь, но и присоединил к ней слова «Божий», не имеющиеся в десятословии, и признал сие повеление о смертной казни для злословящих отца или мать заповедью Божиею, Самим Богом изреченною.

«Так значит — смертная казнь? пытка, инквизиция?» — кричат непротивленческие борзописцы. Ответим так: «Что следует для нас, христиан, из этих слов, мы скажем в свое время, а вы извольте заткнуть свой глупый рот, когда желаете говорить, будто Иисус Христос не подтверждал слов Ветхого Завета о наказаниях и войне. К сожалению, этого изречения Господня не привел и И. А. Ильин в своей книге.

Но главная ценность последней не в изъяснении закона Божия, а в том, что он ясно и определенно указал на ложь и лице-

мерие непротивленцев, могущих продолжать свое существование только благодаря наличности армии и полиции во всяком культурном народе, а следовательно, ответственных за те карательные законы, которые действуют в их стране. Не все граждане палачи, не все сражаются на войне, но без армии и палачей они бы не могли жить в безопасности, и следовательно, если война и казнь грех, то это грех всех. Вот эту истину И. А. Ильин выясняет со всею ясностью: если не казнить нераскаянных злодеев, то они будут казнить мирных граждан; все это знают все непротивленцы, пережившие революцию последних лет.

Эту совершенно ясную мысль автор подкрепляет философскими и психологическими основаниями, справедливо доказывая, что человек не есть индивидуальный только субъект, но связан в добре и зле со всеми: «Ни добро, ни зло не имеют в жизни людей чисто личного или частного характера. Всякий добрый, независимо даже от своих внешних поступков, добр не только про себя, но и для других; всякий злой, даже если он злится только про себя, зол, вреден и ядовит для всего человечества» (с. 147). Вот почему в живом общении людей каждый несет в себе всех и, восходя, тянет всех за собою, и падая, роняет за собою всех (с. 148). Мысли эти, конечно, давно высказаны еще ап. Павлом и отцами Церкви и в последнее время Достоевским, но Л. Н. Толстой совершенно бездоказательно отверг их и заявил уверенно, но неосновательно, что он не обязан защищать жертв злодея силой потому, что отвечает за свою собственную деятельность.

Наш автор не видит в насильственном пресечении злодеяний человеческих панацею <от> всех зол: «отрицательная задача понуждения, пресечения, — говорит он, — отрезать пути к злодейству, оставляя открытым путь единения. Это далеко еще не создание рая, но это есть исключение ада» и т. д. (с. 166).

Уклоняться от такого долга гражданина и христианина и из опасения согрешить гневом или обидеть злодея «было бы столь же реально, умно и состоятельно... как человеку, провалившемуся по пояс в болото, рассуждать о том, как бы ему вернуться домой, не допустив в своей одежде ни одного влажного пятнышка» (с. 172.)... Ибо есть определенные жизненные положения, при которых заведомо следует искать не праведности и не святости, а наименьшего зла и наименьшей неправедности (с. 174), ибо, прибавим от себя, зло уже есть нечто данное в тех случаях, когда борьба против него возможна только чрез приложение физической силы. Далее автор приводит изречение Евангелия

(на самом деле послания ап. Иоанна): «Ненавидящий брата своего человекоубийца есть, хотя бы он физически не убил никого» (с. 176).

Убийство — грех (скажем от себя) как выражение богопротивной злобы и ненависти или как произвол, воспрещенный Богом. Но убийство на войне может не содержать в себе ни того ни другого элемента и потому Церковь в каноническом послании св. Афанасия Великого к Аммуну-монаху не признает участие на войне грехом. Послание это автор приводит на с. 180 в примечании, но, к сожалению, не подчеркивает его общецерковного значения как безапелляционного общецерковного учения, ибо послание сие есть каноническое, утвержденное VI и VII Вселенскими Соборами². Впрочем, он сам от себя справедливо поясняет в начале своей книги, что два совершенно одинаковых с виду поступка могут оказаться имеющими совершенно различную, может быть прямо противоположную, нравственную и религиозную ценность: два пожертвования, две подписи под одним документом, два поступления в полк, две смерти в бою. Казалось бы, что христианское сознание не должно бы нуждаться в таких, почти аксиоматических, разъяснениях (с. 19).

Впрочем, признавая их аксиоматическими, автор растягивает их на 220 страниц, внося сюда совершенно неуместно, но сообразно современной моде таблицы наподобие генеалогических или математических.

Впрочем, это дефект относительный, а вот уже безусловное достоинство его книги, что он сближает в известных положениях людей минимум неизбежного зла с положительным добром и резко осуждает уклонение лицемеров вроде Л. Н. Толстого от раскрытия обязанности члена человеческого общества защищать учреждение, коим охраняется не только его благополучие, но и самая возможность существования на земле.

Действительно, прав автор, заявляя, что «вся история человечества состоит в том, что в разные эпохи и в разных обществах лучшие люди гибли, насилуемые худшими, причем это продолжалось до тех пор, пока лучшие не решались дать худшим планомерный и организованный отпор» (с. 161). И если «не всякий способен взяться за меч и бороться им и остаться в этой борьбе на нравственной высоте», то ясно, что «для этого нужны не худшие люди, а лучшие люди, сочетающие в себе благородство и силу; ибо слабые не вынесут этого бремени, а злые изменят самому призванию меча» (с. 208). Не так по мора-

ли Толстого, ибо только «для лицемера и слепца равноправны и Георгий Победоносец, и заколотый им дракон» (с. 112).

Лучший моралист из наших старших современников, епископ Феофан Затворник († 1894 г.) на запрос одной своей корреспондентки, благословит ли он отдать сына в военную школу, согласно его желанию, или (кажется) в инженеры, согласно желанию его матери, отвечал: пусть будет воином, это благородная и достойная служба вере и отечеству. Этот епископ, доктор богословия, бывший раньше ректором столичной академии и написавший целую гору учено-богословских сочинений, а себя стеснивший в безусловное одиночество в провинциальном монастыре, уже не может быть укоряем в оппортунизме даже такими ретивыми прокурорами, как оппоненты И. А. Ильина.

Итак, мы приветствуем мысли и книгу последнего: он глубоко и всесторонне понимает христианское учение о степенях совершенства и смотрит правде в глаза без замалчивания.

Можно разве немного пожалеть о том, что он мало выяснил свой вопрос с точки зрения распределения обязанностей между членами человеческого общества. Правда, он говорит, что «счастливы в сравнении с государственными деятелями монахи, ученые, художники и созерцатели... но они должны понимать, что их руки чисты для чистого дела только потому, что у других нашлись чистые руки для нечистого дела. Они должны помнить, что если б у всех людей страх перед грехом оказался сильнее любви к добру (и к ближним), то жизнь на земле была бы невозможна» (с. 209).

Светлая и сильная мысль! Не указан только церковно-общественный принцип, по которому совершается разделение жизненного труда между носителями различных служений.

Затем, не указаны границы приложения активной принудительной силы в борьбе со злом, например, царю-завоевателю, карательному отряду, государственному сыщику и, наконец, инквизитору, если б такие оказались снова на земле (и, конечно, окажутся). А границы эти указать необходимо: ведь и ныне не существует, например в Европе, государства, в коем не практиковались бы пытки при допросе и террор при бунте.

Впрочем, это вопрос настолько сложный, что трактовать его в той же книжке, которая пытается установить только самое общее согласование между добродетелью и общественным порядком, между Царством Божиим или Церковью как свободным союзом и государством как союзом принудительным, совершенно невозможно: автору достаточно было бы указать только наличность такой нравственной нужды.

Не могу удержаться от одного только легкого упрека автору: он, как человек более талантливый, чем большинство современных писателей, мог бы воздержаться от несчастной современной привычки кроить новые слова: духовно-душевный, мироотвергающая религия, духовное видение (?), любовное приятие заставляемой души и т. п.

